

ИЮЛЬ

НИНА ЕФИМОВА
Родилась в Рязани
в 1985 году. Окончила
Российский государственный
социальный университет.
Работала в больших компа-
ниях, занималась внутрен-
ними коммуникациями
и пиаром. Живет между
Черногорией и Россией.

Бидон с водой стоял справа от входа. Бабушки называли его «жбан».

Рядом ведро, накрытое неродной эмалированной крышкой. На крышке – эмалированная кружка. Летом, в жару, здесь останавливались все, кто заходил с улицы. Так было почти в каждом доме – у входа ведро, жбан и кружка. Открывали крышку, зачерпывали и жадно пили ледяную воду. Если вода в ведре заканчивалась, то входящие начинали черпать из жбана. Это означало, что скоро идти на колонку за водой.

Июль был сухим и знойным. Главная забота – вечерний полив огорода. Баба Шура что-то переставляла в сарае и на грядки до вечера никого не гнала. На плите варился «вечный суп» для свиньи и собак. Ника подлила в кастрюлю воды. Жбан и ведро она наполнила, можно было уходить гулять. До вечера работы нет. Выудила свои тертые шлепанцы из груды старой обуви, которую почти никогда никто не надевал, и вышла.

Все друзья таскали воду в бочки для вечернего полива. Речка рядом, но ходок по узкой земляной тропинке через камыш нужно было сделать много. Тем, кто жил от речки недалеко, повезло больше. Тем, у кого дома была дополнительная рабочая сила, повезло вдвойне. У Ники был старший брат, и таскать воду для полива было его дело.

Ника отправилась к Маринке. Сегодня у нее дома никого, а значит, все бездельники, как говорит баба Шура, опять будут там. Ника была уверена, что и Димка придет. Потому что Димка – первый по уклонению от сельхозработ. У него дома тоже была дополнительная рабочая сила. Двоюродный брат Славка, который обожал Димку и готов был впрягаться за него и перед бабушкой, и перед парнями из соседней деревни, и даже перед матерью. Брат был единственным, кому Славка доверял свои мысли, свою гитару и свой велосипед. Димка принимал доверие без особой благодарности, как само собой разумеющееся. Но Славка этого, казалось, не замечал.

Братская идиллия длилась до нынешнего жаркого лета, которое, несмотря на палящее солнце, бросило тень на их откровенные разговоры.

В июне приехала Ника. Что-то вдруг неуловимо в ней поменялось, и девчонка, с которой они играли в волков и лисиц, гоняя по деревне, вдруг перестала быть просто девчонкой. А стала той, с которой захотелось гулять под луной, много говорить и которую хотелось провожать до дома. Но только не как раньше, с братом, а наедине.

Ника не сильно изменилась за год. Разве что ноги стали длиннее. Ничего такого, обращающего на себя внимание мальчишек, не появилось. Но она приезжала издали и была какая-то другая. Не

как местные девчонки, немного похожие друг на друга повадками и подведенными одной синей тушью ресницами. Ника в джинсовых шортах, которые еще в прошлом году были джинсами, высокая, тонкая, с вечным «хвостом» и в несурзных кроссовках манила невероятно. У нее были длинные яркие ногти, которые выбивались из мальчишеского образа и которыми она в шутку угрожала парням, особенно назойливо к ней подкатывавшим. Она всегда улыбалась и шутила над теми, кто попал в ее поле зрения. Только по шуткам и можно было определить, на кого обращено ее внимание. Короче, вела себя абсолютно по-пацански, и разгадать, на кого она смотрит по-особенному, было абсолютно невозможно. Димка или Славик? Славик или Димка? Они ловили ее взгляды с плохо скрываемой ревностью и терялись в догадках.

Ника терялась не меньше. Димка – абсолютно, кошмарно, до неприличия не ее вариант. Худой, долговязый, с маленькой какой-то головой, веснушками и курносый носом. Никто к Димке не относился серьезно. И звали его все исключительно по фамилии – Сафин. И только Ника – по имени. Тем не менее ей на людях даже взять его за руку было бы неуютно, потому что без одобрения никаких дел она не делала. Но взгляд его был такой яркий и наглый, что выдерживать долго было невозможно. Ника знала, что у Димки есть девушка в городе. И она никогда и никому не призналась бы в том, как ей хотелось «увести» его. Ненадолго. Надолго не нужно. На лето, чтобы пощекотать нервы и получить свою небольшую победу. Она обожала небольшие безопасные победы. Такие, чтобы уверенность в себе подросла, а перед мамой не было бы стыдно.

А вот Славка – одобряемый вариант. Складный, положительный, с гитарой, громким голосом и правильной речью. Школа и музыкальная школа. Спорт и грамоты. Славку бабушки, шуршащие по своим палисадникам, одобрили бы. А Нике не нравилось вытянутое лицо, глаза навывкате (Маринка называла их выразительными) и покатые плечи. Нику его положительная обтекаемость оставляла равнодушной, но до того момента, пока он не начинал петь «Восьмиклассницу» и особенно пристально смотреть на нее. Никто из друзей не знал, что зимой Славка писал ей письма. Примерно раз в месяц мама доставала их из ящика. Примерно раз в три месяца Ника отвечала. Баба Шура, когда эти двое провожали Нику до дома, всегда восхищалась Славкой. «Хороший парень! – повторяла она. – Мать хорошая, и отец есть».

На отцов у бабы Шуры был пунктик. Если отец у кого-то отсутствовал, баба Шура недовольно поджимала губы. Нику это всегда удивляло, потому что у самой бабы Шуры мужа не было. И прадеда, отца бабы Шуры, она никогда не слышала. А если не говорят – спрашивать нельзя, это Ника давно усвоила, после того как получила в ответ на свой вопрос про деда короткое «не лезь». Ника знала, что отцов у приезжающих в деревню нет почти ни у кого. То есть они как бы есть, но где-то неизвестно где. Она даже немного неуютно себя чувствовала, как будто есть у нее привилегия, за которую ее не винят, но как-то многозначительно на нее смотрят. И взгляды эти похожи на что-то вроде «ну конечно, ты из Москвы», «ну понятно, у тебя отец», «ну да, тебе повезло». Нику это смущало, потому что она свою жизнь знала хорошо. Жизнь была ровная, как река за окном. Ничего интересного.

Маринка вязала крючком очередную салфетку и смотрела «Дикого ангела». Ника привычно зачерпнула воды на входе и плюхнулась рядом. Сегодня серия шла на цветном телевизоре, который в очередной раз починил дядя Миша.

Сломанный телевизор стоял в каждой комнате, а в большой стоял тот, который вобрал в себя все самое новое из остальных. Иногда он подмигивал цветным, однако на картинке не «каждый охотник желал знать, где сидит фазан». То фазан улетал, то охотник уходил по делам. Иногда экран оставался черно-белым. После каждой починки к телевизору нужно было искать подход. В какой-то момент в стабилизации изображения помогал удар слева, а в какой-то – долгое нажатие кнопки. Обычно новые подходы находил Андрей, Маринкин брат. Все-таки родной племянник дяди Миши. Значит, было у них что-то общее. Он какими-то одному ему известными методами включал радио, подключал колонки и заставлял работать аудиокассеты. Однажды Ника решила нажать на магнитофоне на play, но руку так ударило током, что от музыки она отказалась и больше без Андрея в это не влезала.

Пока была жива Маринкина бабушка Катя, мать дяди Миши, она очень радовалась, когда телевизор барахлил. Это означало, что приедет сын. Поломка телевизора виделась ему из города самой сложной проблемой. Хотя для бабы Кати покраска крыши была гораздо важнее. Поэтому когда ломался телевизор, она все-таки покупала краску на всякий случай. Вдруг Мишка успеет покрасить после починки телевизора.

Она всегда молниеносно замечала все вокруг. Кто на кого посмотрел, кто что сказал и кто что почувствовал. Нике это было на руку. Подруга щедро делилась наблюдениями. Сплетничать с ней было одно удовольствие, тем более она рассказывала много о том, кто и как смотрит на нее, Нику.

У Маринки было много журналов вязания «Валентина». Маринка их аккуратно складывала и прятала в шкафу за стеклом. В доме всегда был ужасный кавардак, но только не на этих трех полках. Там лежали журналы и клубки с нитками. По центру – фотография Маринкиного отца. Стояли остатки хрустальной посуды. В одной вазочке Маринкины золотые цепочки, в двух других – мелкие детали от каких-то дяди-Мишиных механизмов. Никто из Маринкиных братьев не смел залезать за стекло. Братьев было трое, а Маринка одна. Отца видели только на фото, а мать была «гостевая». Ее за все лето Ника видела от силы пару раз. Никого не волновало, где ее носит, кроме бабы Шуры. У подростков был целый дом в распоряжении, что их приводило в восторг, а бабушку – в ужас. Однако, кроме периодических разгонов, сделать она ничего не могла. Поэтому иногда она приносила им что-то вкусное, спрашивала «Мать не объявилась?», качала головой, бормотала «Был бы отец жив» и уходила в свой огород.

– Сегодня Антон обещал прийти вечером. Вроде приехал на одиннадцатичасовом. Его Андрей видел, он утром в город ездил за продуктами. – Маринка знала все про всех.

Автобусы были единственным вариантом добраться до деревни. Девятичасовой, одиннадца-

ти-, трехчасовой и шестичасовой. На трюмо было приклеено написанное ручкой расписание. Если кого-то ждали и он не появлялся через тридцать минут после прибытия автобуса, это означало, что гость не приехал. От автобуса до самого дальнего дома в деревне по полю было ровно полчаса.

– А не знаешь, Димка со Славкой не уехали? – как можно безразличнее спросила Ника.

Димка со Славкой постоянно ездили в город и обратно. Ей, Нике, это было недоступно. Ее завозили в деревню в начале лета, а забирали в конце. До ее дома ехать нужно было целый день – два раза за лето – роскошь невероятная.

– Не знаю, а что? – Маринка пошла складывать на место свое вязание и стояла спиной.

Выражение ее лица разглядеть было невозможно.

– Нет, ничего, просто.

– Димка про тебя спрашивал. Встречаешься ты с кем-то в Москве или нет.

– Марин, я не в Москве живу.

Нику жутко раздражало, что ее называли москвичкой, потому как она в Москве бывала пару раз за год, а жила в области. До Москвы часа два на перекладных. Но местным было все равно. А еще ее очень удивляло, что Маринке все всё вот так вот просто выкладывали. Про себя, про любовь, про симпатии и проблемы.

– Ты что ответила?

– Сказала «не знаю», сам спроси.

– А он?

– Сказал, что спросит. Сказал, что ты ему очень нравишься, но Славке тоже, а брат для него важнее всего. Еще он бесится, что Антон приехал. Говорит, у вас много общего, потому что он тоже из Москвы.

– Марин, он тоже не из Москвы. Он из Королева, я из Наро-Фоминска. Это очень разные места.

– Что делать будешь?

– Ой, Марин, ну ты что, Димку не знаешь. Все он врет. Ему надо Славку переплюнуть, что я его выбрала. Потому что во всем остальном Славка его переплевывает.

– Мне кажется, он серьезно.

План созрел молниеносно.

– Хочешь, проверим? Замучу с ним, и он быстро исчезнет.

Маринка, кажется, поверила.

– А давай.

– Не скажешь?

– Нет, конечно!

Важно, чтобы Маринка думала, что это все спор, что несерьезно. Перед Маринкой было неловко. Ника знает, что она выбор в пользу Димки осудила бы. Как и остальные. А так – Маринка думает, что это проверка, значит, можно идти дальше. Ника успокоилась. Как будто наконец получила официальное разрешение побыть с Димкой.

– Легко на помине! – Маринка глянула в окно.

Она всегда молниеносно замечала все вокруг. Кто на кого посмотрел, кто что сказал и кто что почувствовал. Нике это было на руку. Подруга щедро делилась наблюдениями. Сплетничать с ней было одно удовольствие, тем более она рассказывала много о том, кто и как смотрит на нее, Нику.

Привычно пригнувшись в низком проеме, Димка переступил порог. Уселся на диван между шатким подлокотником и Никой, улыбнулся, как всегда широко раскинул свои руки и ноги, так, чтобы потеснить Нику.

– Жарко. Водичкой не поделишься? – Он с улыбкой покосился на кружку, которую Ника держала в руках.

– Конечно! – Ника быстро окунула пальцы в воду и брызнула в его сторону.

Димка захохотал, вскочил и побежал к ведру. Зачерпнул горсть и плеснул в сторону смеющейся Ники. Она успела вскочить, но траектория была рассчитана четко.

Ника рванула к выходу, в ведре оставалась еще треть. Крышка со звоном полетела на пол, а вода – в сторону противника. Димка выгнул спину, почти увернулся, схватил второе ведро и погнался за убегающей из дома Никой, вопя на всю деревню «Ну, погоди!». Она бежала к речке, а он с ведром и в одном шлепанце мчался за ней. У реки Димка бросил ведро, догнал ее, и они оба, в одежде, смеясь, рухнули с плотины в воду. Откуда ни возьмись, на горизонте появилась баба Шура. Она что-то кричала, и они, хлюпающие и смеющиеся, рванули дальше от реки, от деревни и от бабы Шуры.

– Давай встречаться? – говорил он ей, не переставая целовать.

– У тебя же есть девушка в городе?

– Я ее брошу!

Она знала, что не бросит. Ей было все равно.

– Давай всем скажем?

Ника мотала головой. Ей нужно было только целоваться. И Славку было жалко. А еще хотелось, чтобы Славка продолжал смотреть на нее и петь свои минорные песни. А еще чтобы приехавший недавно Антон продолжал строить ей глазки. Вы-

берешь одного – остальные отвалятся. Хотя какие-то волны в этой ровной жизни.

– Нет, нельзя. До бабы Шуры дойдет. Она меня в город сошлет.

И это правда. Баба Шура стойко стояла на страже Никиной чести. Если бы до нее дошли слухи, она бы живо отправила Нику в город ко второй бабушке. А это было самое страшное наказание.

– Ну, хорошо, – согласился он. – Но Славке я скажу.

– Как хочешь.

Ника не поверила. Думала – не скажет.

Вечером пришли все. Славка с гитарой, Димка и Антон. Славка смотрел на нее не отрываясь. Димка был какой-то притихший. Рассматривал хрусталь в шкафу. Ника очень неуютно себя чувствовала и старалась быть максимально незаметной. Поэтому уставилась в телевизор и слушала Антона. Долго смотреть прямо было сложно, поэтому она опустила голову и стала рассматривать доски на полу в облупившейся краске и рисунок дерева, который не менялся столько, сколько она себя помнила. Эти полы на ее памяти не красили, только мыли. Но, даже мытые, они чистыми не казались. Антон рассказывал про концерты «ДДТ» и про то, что собирается поступать в театральный.

У Антона были большие темные глаза, только начали пробиваться усы, и он постоянно очень театрально поправлял длинную челку. Антон был старше, поэтому смотрел на всех немного свысока, но все равно как будто смущался. Так всегда бывает в самом начале сезона, когда старые друзья обновились за год и к ним заново нужно искать подход. Ника видела его особенное к ней расположение. И ей это нравилось. То, что Антон старше, умнее, серьезнее. Правда, редкие усы раздражали, и целоваться с ним Ника не стала бы.

Славка взял гитару и начал петь «Восьмиклассницу». Потом взял сигареты и вышел курить. Ника знала, что он не курит. Димка позвал Нику в соседнюю комнату.

– Ник, нужно поговорить наедине.

– Больше двух говорят вслух!

Нике очень не хотелось, чтобы свидетелем их уединения стал кто-то, кроме Маринки. Было неудобно.

– Ни-ик.

– Дим, ну нормально сидим, ну что важного?

– Ника!

Она не двинулась с места.

– Антон, а ты в Наро-Фоминске был когда-нибудь?

– Я курить. – Димка вышел.

Когда Димка и Славка вернулись, Ника с Антоном начали играть в нарды.

– Ник, а правда, что в вашей Москве все шалавы? – Димкин взгляд изменился, стал злым и колючим.

Ника прищурилась.

– Не знаю, Дим, я не из Москвы.

– А я знаю. – Димка встал, взял гитару и вышел. Славка взял кепку, посмотрел на Нику и, не прощаясь, вышел за Димкой.

Маринка пошла к своему комоду с вязаньем и взяла журнал «Валентина».

– Ник, поди на секунду. – Маринка протягивала свой журнал.

Ника посмотрела на страницу со схемой очередной салфетки. В углу было написано: «Ник, мне очень нравится с тобой. Но я не буду делать плохо брату. Извини. Мы уедем пока. Дмитрий».

Ника улыбнулась официальному «Дмитрий». В груди тоскливо застучало. Остаток лета из светло-зеленого сделался серым.

Пришел Андрей.

– Хотите чаю?

Ника с Маринкой кивнули. Антон принес еще один стул на кухню.

Потом долго еще сидели, говорили о том, что завтра можно пойти за грибами, что на выходных опять приедет дядя Миша, что Маринке скоро поступать в техникум, что через пару недель поспеет черешня и что в августе можно будет торговать яблоками на рынке.

До дома ее провожал Антон.

Вечером Ника нерешительно стояла рядом со жбаном, жмурилась, вспоминала Димкины поцелуи и пила ледяную воду. Лист с запиской из журнала лежал в кармане.

